

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Законодательное определение крайней необходимости нуждается в дополнении

Л.Н. Смирнова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Legislative Definition of Extreme Necessity Needs to Be Supplemented

L.N. Smirnova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается развитие крайней необходимости, одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Анализируется трансформация ее легального определения с точки зрения достаточности и полноты для правоприменения. Проведен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных стран, бывших союзных республик ССР, в части регламентации крайней необходимости. Выявлена недостаточная юридическая регламентация определения крайней необходимости в УК РФ, что в ряде случаев обязывает правоприменителя исходить не из ее легального определения, а из практики правоприменения и теории уголовного права. Так, закон не регулирует случаи безуспешной крайней необходимости, не предусматривает перечня обстоятельств, существенно влияющих на правовую оценку причинения вреда в состоянии крайней необходимости, не содержит уголовно-правовой оценки действий лица, которое само создало опасную ситуацию, а затем для ее предотвращения причиняет вред охраняемым уголовным законом объектам. Кроме того, отмечено несовершенство в определении превышения пределов крайней необходимости.

Анализ специальной литературы, зарубежного законодательства позволил автору прийти к выводу о том, что законодательное определение крайней необходимости нуждается в дополнении.

Ключевые слова: крайняя необходимость, превышение пределов крайней необходимости, ситуация правомерного вреда, обстоятельства, исключающие преступность деяния, качество уголовного законодательства.

The article considers the development of extreme necessity, one of the circumstances excluding the criminality of a deed. The transformation of its legal definition in terms of the sufficiency and completeness for the law enforcement is analyzed. The comparative legal analysis of the criminal legislation of foreign countries, former republics of the Soviet Union is carried out with regard to the regulation of extreme necessity. The insufficient legal regulation of the definition of extreme necessity is identified in the Criminal Code of the Russian Federation. In some cases it obliges the law enforcement agent to proceed not from its legal definition, but from the practice of the law enforcement and theory of the criminal law. Thus the law does not regulate cases of unsuccessful extreme necessity. It does not provide for a list of the circumstances that significantly affect a legal assessment of the infliction of harm in a state of extreme necessity and does not contain a criminal law assessment of the actions of the person who created a dangerous situation and then harms legally protected objects. In addition the imperfection in the definition of exceeding the limits of extreme necessity is pointed out. The analysis of the specialized literature and foreign legislation allowed the author to conclude that the legislative definition of extreme necessity needs to be supplemented.

Key words: extreme necessity, exceeding the limits of extreme necessity, situation of lawful harm, circumstances excluding criminality of deed, quality of criminal legislation.

DOI 10.14258/izvasu(2018)6-23

В научной литературе все чаще высказываются предложения о реформировании уголовного законодательства в связи с сохраняющейся пробельностью уголовного закона, его нарастающей несистемностью и наличием законотехнических погрешностей [1, с. 14]. Перечисленные факторы можно в полной мере отнести и к главе 8 УК РФ, регулирующей шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности крайней необходимости, предусмотренной ст. 39 УК РФ.

История появления этого обстоятельства отсылает исследователей к ст. 286 Соборного Уложения 1649 г. [2, с. 150], определившей некоторые признаки крайней необходимости. Но основные ее критерии были сформулированы и закреплены в ч. 2 ст. 46 Уголовного Уложения 1903 г. [3, с. 285], в котором была обозначена и правовая природа этого обстоятельства: «не почитается преступным...». В уголовном законодательстве советского периода — в ст. 20 УК РСФСР 1922 г. [4, с. 118], а затем и в ст. 13 УК РСФСР 1926 г. [4, с. 293] правовая природа крайней необходимости определялась как исключающая наказуемость деяния. Обстоятельством, **исключающим преступность** деяния, крайняя необходимость вновь была названа в ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. [5, с. 279]. Такое определение правовой природы крайней необходимости сохранилось в УК РСФСР 1960 г. [6], затем и в УК РФ 1996 г., что свидетельствует о его стабильности.

Менее стабильной, вызывающей критику ученых, является дефиниция этого обстоятельства. Наша задача видится в анализе легального определения крайней необходимости с целью ответа на вопрос, нуждается ли оно в совершенствовании. Для решения этой задачи проследим его трансформацию в течение последних 50 лет.

Определение крайней необходимости, закрепленное в ст. 14 УК РСФСР, предусматривало: не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК РСФСР, но совершенное в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, **непосредственно** угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред. Из данного определения очевидны два необходимых условия для крайней необходимости:

1. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

2. В данной ситуации опасность не могла быть устранена другими средствами, т.е. без причинения вреда.

Если нарушалось какое-то из условий, то крайней необходимости не усматривалось. Лицо, причинившее вред, в этом случае подлежало уголовной ответственности на общих основаниях, без учета ситуации, в которой оно было вынуждено действовать, поскольку ст. 38 УК РСФСР, содержащая перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, не предусматривала в качестве такового нарушение условий крайней необходимости. Как в свое время заметил И.И. Слуцкий, нарушение хотя бы одного условия исключает само понятие крайней необходимости. Поэтому не существует и понятия превышения пределов крайней необходимости ни в законе, ни в теории, ни в судебной практике [7, с. 91].

Однако некоторые ученые признавали возможность превышения пределов крайней необходимости [8, с. 221]. Необходимость предусмотреть в законе понятие превышения пределов данного обстоятельства в полной мере можно отнести к требованиям судебной практики.

Теоретическая модель уголовного кодекса, созданная авторским коллективом крупнейших ученых России в конце 90-х гг. прошлого века, учла эти требования и на основе исторического опыта и анализа существующего законодательства, практики его применения, а также опыта некоторых зарубежных государств предложила иной подход к определению крайней необходимости.

В теоретической модели была закреплена идея о необходимости проведения границы между преступным и непроступным самим законом, а не органами, осуществляющими правоприменение. Авторы обосновали идею максимальной законодательной урегулированности институтов уголовного права, указав несколько аспектов (не утративших актуальности и в настоящее время): 1) закон должен закрепить решение практических вопросов, которые еще решаются не в законе, а в теории и в разъяснениях высших судебных инстанций; 2) закон должен максимально четко фиксировать грани между преступным и непроступным поведением, не допускать неясности, размытости в их определении; 3) необходима максимальная законодательная урегулированность для неукоснительного соблюдения принципа законности [9, с. 8–10].

Из идеи максимальной законодательной урегулированности вытекает дефиниция крайней необходимости, определяющая варианты ситуаций, которые могут возникнуть при отражении опасности, грозящей охраняемым законом интересам. Так, в ст. 52 теоретической модели наряду с понятием крайней необходимости названы признаки превышения ее пределов, рассмотрена ситуация крайней необходимости в действиях лица, которое само создало грозящую опасность. Кроме того, состояние крайней необходимости распространено на дей-

ствия, предпринятые с целью предотвращения вреда правоохраняемым интересам, если эти действия не увенчались успехом, и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывающего его предотвратить.

Однако формулировка крайней необходимости, предложенная теоретической моделью уголовного кодекса, в дальнейшем не была востребована. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. в ст. 26 фактически повторили содержание ст. 14 УК РСФСР, назвав те же условия правомерности действий: «если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный» [10]. Отличительным моментом является только то, что при характеристике угрожающей опасности исчез термин «непосредственно угрожающей» и несколько по-другому названы адресаты угрожающей опасности: личность и права данного лица или других лиц, интересы общества или государства. (Напомним, что по УК РСФСР 1960 г. опасность угрожала интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан). Но кардинальных изменений в определении крайней необходимости не произошло. Не было предусмотрено и положение о превышении пределов крайней необходимости.

УК РФ 1996 г. впервые включил в уголовно-правовую норму о крайней необходимости положение о превышении ее пределов. Это в определенной мере можно рассматривать как реформирование данного обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Обратимся к ныне действующей ст. 39 УК РФ, регулирующей крайнюю необходимость: «Не является преступлением причинение вреда ... в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, **непосредственно** угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, ... если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Из данного определения следует выделить условия, при которых причиненный вред является правомерным: опасность не могла быть устранена иными средствами; не было превышения пределов крайней необходимости.

Понятие превышения пределов крайней необходимости закреплено в ч. 2 ст. 39 УК РФ и означает «причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную от-

ветственность только в случаях умышленного причинения вреда».

Легальное определение превышения пределов крайней необходимости, по мнению некоторых ученых, является неудачным, нуждающимся в уточнении.

Так, анализируя данное определение, Т.Ю. Орешкина справедливо отметила, что законодатель предусматривает два критерия определения превышения пределов крайней необходимости: один из них — основной (причиненный вред должен быть меньше вреда предотвращенного), а другой — дополнительный (причиненный вред не должен явно не соответствовать характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых она устранялась) [11, с. 17]. Однако дополнительный критерий, по мнению автора, «воспринимается как находящийся в противоречии с основным критерием: если причиненный вред меньше или равен предотвращенному, он не может восприниматься как явно не соответствующий характеру и степени угрожавшей опасности» [12, с. 75].

Для устранения выявленных противоречий в формулировке превышения пределов крайней необходимости С.В. Пархоменко высказала интересное, заслуживающее внимания и изучения предложение отказаться от критерия «явного несоответствия...». Автор предлагает новую редакцию ст. 39 УК РФ, в которой правомерным является причинение только менее значительного вреда, чем вред предотвращенный. Умышленное причинение в состоянии крайней необходимости вреда, равного предотвращенному, признается обстоятельством, смягчающим наказание. Уголовная ответственность за причинение такого вреда наступает на общих основаниях со ссылкой на ст. 39 УК РФ [13, с. 250–251]. С учетом опыта зарубежных стран (ст. 36 УК Республики Беларусь и ст. 38 УК Республики Молдова) С.В. Пархоменко считает целесообразным отказаться от понятия «превышение пределов крайней необходимости».

Анализируя уголовное законодательство зарубежных стран, бывших союзных республик ССР, отметим, что чаще всего формулировка превышения пределов крайней необходимости, закрепленная в УК этих стран, идентична с таковой в УК РФ. Своеобразие находим в ч. 3 ст. 38 УК Республики Узбекистан [14]. Превышение пределов крайней необходимости усматривается в двух случаях причинения вреда охраняемым законом интересам: 1) если опасность могла быть устранена другими средствами, 2) если причиненный вред является более значительным, чем предотвращенный.

На наш взгляд, возможность устранить опасность другими средствами, скорее всего, свидетельствует об отсутствии крайней необходимости, поскольку в ч. 1 ст. 38 УК Республики Узбекистан состояние

крайней необходимости усматривается, если опасность не могла быть устранена иными средствами.

Второй вариант превышения пределов крайней необходимости — причинение вреда более значительного, чем предотвращенный, — также не идеален, поскольку без внимания осталась ситуация причинения вреда, **равного** предотвращенному. Таким образом, правовая оценка дана двум вариантам причинения вреда: менее значительного, как правомерного (с ч. 1 ст. 38 УК Республики Узбекистан), более значительного, чем предотвращенный, как превышение пределов крайней необходимости. Однако, предотвращая грозящую опасность, лицо может причинить вред, равный предотвращенному. Какую правовую оценку заслуживает такое деяние? На этот вопрос ответа в УК Республики Узбекистан нет.

Такой же вопрос возникает при анализе ч. 4 ст. 52 теоретической модели УК, поскольку ч. 3 ст. 38 УК Республики Узбекистан совпадает с определением превышения пределов крайней необходимости в теоретической модели.

Возвращаясь к определению крайней необходимости в УК РФ, отметим, что в специальной литературе высказаны критические замечания по поводу ее недостаточной юридической регламентации, что в ряде случаев обязывает правоприменителя исходить не из ее легального определения, а из практики правоприменения и теории уголовного права. Так, ст. 39 УК РФ не содержит ответа на вопрос, какой должна быть уголовно-правовая оценка действий лица, безуспешно предпринявшего возможные в данной ситуации действия с целью предотвращения грозящей опасности, но не сумевшего ее предотвратить. По этому поводу С.В. Пархоменко справедливо заметила: «Если государство действительно одобряет поведение лица в состоянии крайней необходимости, то такого рода случаи должны получать однозначную их оценку в самом тексте уголовного закона». Автор сформулировала соответствующую норму для ст. 39 УК РФ [13, с. 252–253].

Уголовное законодательство некоторых зарубежных стран регулирует такие случаи по правилам крайней необходимости. Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь в ч. 2 ст. 36 предусматривает положение о безуспешных действиях по предотвращению грозящей опасности: «состояние крайней необходимости признается и в том случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить» [15]. Здесь обращают на себя внимание три момента: 1) цель безуспешных действий — предотвратить грозящую опасность; 2) наличие усилий лица предотвратить грозящую опасность; 3) добросовестный расчет на предотвращение вреда. Справедливости ради отметим, подоб-

ное положение закреплено в ч. 6 ст. 52 теоретической модели уголовного кодекса, автором которой является А.Б. Сахаров [9, с. 130].

К недостаткам уголовно-правовой регламентации крайней необходимости следует отнести и отсутствие в ст. 39 УК РФ перечня обстоятельств, влияющих в каждом конкретном случае на оценку правомерности действий лица, причинившего вред охраняемым уголовным законом объектам при предотвращении грозящей опасности. Наличие такого перечня способствовало бы единообразию судебной практики. Такой перечень предусмотрен в ч. 4 ст. 38 УК Республики Узбекистан: «учитываются характер и степень предотвращаемой опасности, реальность и близость ее наступления, фактическая возможность лица по ее предотвращению, его душевное состояние в сложившейся ситуации и другие обстоятельства дела» [14]. Отметим, что данное положение полностью дублирует ч. 5 ст. 52 теоретической модели уголовного кодекса [9, с. 130].

В теории уголовного права и судебной практике возникает вопрос об уголовно-правовой оценке действий лица, создавшего опасную ситуацию, а впоследствии предпринявшего меры для предотвращения большего вреда путем причинения менее значительного вреда объектам, находящимся под защитой уголовного закона. Ныне действующая редакция ст. 39 УК РФ никак не дифференцирует источники грозящей опасности, не требует, чтобы источниками возникновения опасности были только внешние силы. Поэтому на практике действия лица, создавшего опасность, а затем причинившего меньший вред охраняемым уголовным законом объектам для предотвращения большего вреда, рассматриваются как совершенные в состоянии крайней необходимости.

Однако есть и другие подходы к определению данной ситуации. Так, теоретическая модель УК в ч. 2 ст. 52 предусматривает состояние крайней необходимости и в том случае, «если опасность охраняемым интересам была создана деянием лица, предотвратившего ее путем причинения вреда другим охраняемым интересам, при условии, что это не было сделано заведомо для оправдания причинения вреда ссылкой на крайнюю необходимость» [9, с. 129–130].

Зарубежное законодательство некоторых стран обращает внимание на ситуацию создания опасности лицом, впоследствии причиняющим вред для ее предотвращения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 31 Уголовного кодекса Литовской Республики: «Лицо, своими действиями создавшее опасную ситуацию, может опираться на положения о крайней необходимости лишь в том случае, если опасная ситуация была создана по неосторожности» [16].

Отсутствие регламентации в легальном определении крайней необходимости отмеченных случаев не означает, что такие вопросы не возникают на практике. Эти ситуации получают правовую оценку на уровне правоприменения, что не соответствует принципу законности.

Подводя итог, отметим существующую необходимость дополнить законодательное определение крайней необходимости положением, регламентирующим ситуацию безуспешной крайней необхо-

димости; предусмотреть перечень обстоятельств, влияющих на оценку правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости, а также исключить из понятия превышения пределов крайней необходимости противоречивые критерии. Основой этих дополнений и изменений вполне может быть ст. 52 теоретической модели уголовного кодекса, а также исследования современных ученых, занимающихся проблемами крайней необходимости.

Библиографический список

1. Цепелев В.Ф. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : моногр. — М., 2016.
2. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов. — М., 1985.
3. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — М., 1994.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. — М., 1953.
5. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. — М., 1983.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591.
7. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. — Л., 1956.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право.. Часть общая : лекции : в 2 т. — Т. 1. — М., 1994.
9. Сахаров А.Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. — М., 1987.
10. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик (приняты ВС СССР 02.07.1991 № 2281-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1991. — № 30. — Ст. 862.
11. Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. — 1999. — № 3.
12. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие для магистрантов. — М., 2016.
13. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. — СПб., 2004.
14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. — СПб., 2001.
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. — СПб., 2001.
16. Уголовный кодекс Литовской Республики 2000 г. — СПб., 2002.